

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В ВОСКРЕСЕНЬЕ 31го ОКТЯБРЯ С.Г.

В 7 Ч. ВЕЧ.

СОСТОИТСЯ ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦИЯ

ЧЛЕНА АКАДЕМИИ

Б.В.ФАРМАКОВСКОГО
„О ВАЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ
ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ“

вход свободный

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДЪЕЗД

ПРОШЛОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В ТРУДАХ ПЕТЕРБУРГСКИХ АРХЕОЛОГОВ
НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

(К 100-летию создания российской
академической археологии)

DOI: 31.600/978-5-85803-525-1
УДК 930.26(081)
ББК Т4я4

*Утверждено к печати Ученым советом Института истории материальной культуры
Российской академии наук*

Рецензенты:

доктор ист. наук Л. Б. Кирчо; доктор ист. наук, профессор А. Н. Киртичников

Ответственные редакторы:

доктор ист. наук Ю. А. Виноградов; доктор ист. наук С. А. Васильев; кандидат ист. наук К. Н. Степанова

П78 **Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии).** — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. — 420 с.: ил.

ISBN 978-5-85803-525-1

Коллективная монография является результатом трудов ведущих ученых Института истории материальной культуры РАН, отражающих основные результаты археологических исследований за прошедшее десятилетие. Она состоит из четырех глав. Серия статей первой из глав посвящена проблемам первоначального заселения территории нашей страны, что связано с новейшими археологическими открытиями на Кавказе, Таманском полуострове, в Крыму, а также в Арктике. Вторая глава охватывает широкий хронологический диапазон — от позднего каменного века до культур древних кочевников (сюнну). Важные проблемы изучения античной культуры Северного Причерноморья раскрыты в третьей главе на материалах раскопок на Таманском полуострове. Одна из статей посвящена участию ученых ИИМК РАН в изучении Пальмиры (Сирийская республика). Статьи, включенные в последнюю главу, характеризуют итоги археологического изучения Северо-Западной Руси, прежде всего двух важнейших городских центров этого региона — Старой Ладоги и Рюрикова городища.

Издание рассчитано на археологов и историков.

The Past of Humankind as seen by the Petersburg Archaeologists at the Dawn of the Millenium (to the Centennial of the Russian Academic Archaeology). — St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2019. — 420 p.: ill

The book represents a collection of papers written by the leading scholars of the Institute for the Material Culture History, thus reflecting main achievements in archaeological investigations during the last decade. The volume consists of four parts. The first part includes contributions devoted to the problems of the initial peopling of the territory of our country in the light of recent discoveries at the Caucasus, the Taman Peninsula, Crimea, and the Arctic. The second part embraces a huge time span from the Late Stone Age to the ancient nomadic cultures (Xiongnu). The third part deals with the Classical antiquities of the Northern Black Sea region based on the results of the excavations at the Taman Peninsula. One of the papers is devoted to the activities of the scholars of the Institute in the study of Palmyra (Syria). The last part consists of papers devoted to the archaeological study of the Northwestern Russia, especially the exploration of two important urban centers of the region: Staraya Ladoga and Rurik's Hillfort.

The book is oriented toward archaeologists and historians.

На первой странице обложки:

Афиша лекции Б. В. Фармаковского в РАИМК в 1920 г. (рисунок Г. С. Верейского)

ISBN 978-5-85803-525-1

9 785858 103525 1

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отмечая юбилей: к 100-летию российской академической археологии (*В. А. Лапшин*) 5

Глава I. В глубины доистории человечества

I.1. <i>С. А. Кулаков</i> . Достижения сотрудников ИИМК РАН в изучении палеолита Кавказа в конце XX — начале XXI века	9
I.2. <i>Е. В. Белыева, В. П. Любин</i> . Новые данные о первоначальном заселении Южного Кавказа (Результаты работ Армяно-Российской экспедиции, 2003–2018 гг.)	18
I.3. <i>В. Е. Щелинский</i> . Начало заселения первобытными людьми территории России: древнейшие раннепалеолитические стоянки Южного Приазовья	27
I.4. <i>Н. К. Анисюткин, С. А. Кулаков</i> . Новые данные о раннем палеолите Крыма	56
I.5. <i>Л. Б. Вишняцкий, П. Е. Нехорошев, А. К. Очередной</i> . Новые данные по хронологии среднего палеолита Восточной Европы (по результатам полевых исследований ИИМК РАН 1998–2018 гг.)	69
I.6. <i>С. А. Васильев, А. В. Поляков, П. Б. Амзараков, Ю. В. Рыжов, Т. В. Корнева, Т. В. Сапелко, Г. Ф. Барышников, Н. Д. Бурова, Е. Ю. Гиря, Г. Ю. Ямских</i> . Палеолитический человек в предгорьях Саян: стоянка Ирба 2 близ Курагино (Красноярский край)	83
I.7. <i>В. В. Питулько</i> . Гонка со временем: в поисках начального этапа освоения человеком Сибирской Арктики	103

Глава II. На просторах Евразии

II.1. <i>О. В. Лозовская</i> . Торфяниковая стоянка Замостье 2: некоторые итоги и перспективы исследований	139
II.2. <i>Н. Н. Скакун, В. В. Терехина, Л. Лонго, И. Е. Пантюхина</i> . Современные трасологические исследования в археологии	157
II.3. <i>В. С. Бочкарев</i> . К вопросу о периодизации памятников бронзового века юга Восточной Европы	166
II.4. <i>Е. М. Колпаков, В. Я. Шумкин</i> . Сокровища наскального искусства Российской Арктики	171
II.5. <i>А. В. Поляков, И. П. Лазаретов</i> . Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин	188
II.6. <i>С. С. Миняев</i> . Актуальные проблемы изучения сюнну	203

Глава III. Постигая классическое наследие

III.1. <i>В. А. Горончаровский</i> . Семибратнее городище (Лабрис) по данным раскопок Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2009 гг.	211
III.2. <i>С. В. Кацаев</i> . Грунтовый некрополь Артощенко-2 (V–II вв. до н. э.)	230
III.3. <i>Ю. А. Виноградов</i> . Священный участок античного поселения Артощенко-1	254
III.4. <i>Н. Ф. Соловьёва, С. Л. Соловьёв, Е. К. Блохин, Э. Э. Казаков</i> . Пальмира во времени и пространстве	271

Глава IV. Славяне, скандинавы и финны на Северо-Западе России

IV.1. <i>В. А. Лапшин</i> . Изучение Старой Ладogi: итоги и перспективы	289
IV.2. <i>Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская</i> . Рюриково городище — выдающийся археологический памятник Древней Руси	303
IV.3. <i>И. И. Еремеев</i> . К вопросу об аграрной скандинавской колонизации в Восточной Европе в раннем средневековье	324
IV.4. <i>А. И. Сакса</i> . Выборг — город на перекрестке истории	348

Литература 379

Список сокращений 417

CONTENTS

Celebrating the jubilee: to the Centennial of the Russian academic archaeology (<i>V. A. Lapshin</i>)	5
---	---

Chapter I. In the deep human prehistory

I.1. <i>S. A. Kulakov</i> . The achievements of the Institute for the Material Culture History in the study of the Paleolithic of Caucasus in the late 20 th — early 21 st centuries	9
I.2. <i>E. V. Belyaeva and V. P. Liubin</i> . New data on the initial human settlement of the Southern Caucasus (Results of the fieldwork of the Armenian-Russian expedition in 2003 to 2018)	18
I.3. <i>V. E. Shchelinsky</i> . The first human settlement of the territory of Russia: the oldest Early Paleolithic sites in the Southern Azov Sea shores	27
I.4. <i>N. K. Anisiutkin and S. A. Kulakov</i> . New data on the Early Paleolithic of Crimea	56
I.5. <i>L. B. Vishnyatsky, P. E. Nekhoroshev, and A. K. Ocherednoy</i> . New data on the chronology of the Middle Paleolithic of Eastern Europe (based on the results of fieldwork of the Institute for the Material Culture History in 1998 to 2018)	69
I.6. <i>S. A. Vasilyev, A. V. Polyakov, P. B. Amzarakov, Y. V. Ryzhov, T. V. Korneva, T. V. Sapelko, G. F. Baryshnikov, N. D. Burova, E. Y. Giryva, and G. Y. Yamskikh</i> . Paleolithic Man in the piedmonts of the Sayan Mountains: the site of Irba 2 near Kuragino (the Krasnoyarsk region)	83
I.7. <i>V. V. Pitulko</i> . In pursuit of the time: searching for the initial human settlement of the Siberian Arctic	103

Chapter II. In the vastness of Eurasia

II.1. <i>O. V. Lozovskaya</i> . The peatland site of Zamostje 2: some results and research perspectives . . .	139
II.2. <i>N. N. Skakun, V. V. Terekhina, L. Longo, and I. E. Pantiukhina</i> . Contemporary use-wear studies in archaeology	157
II.3. <i>V. S. Bochkarev</i> . Considering the periodization of the Bronze Age of the Southern Eastern Europe	166
II.4. <i>E. M. Kolpakov and V. Ya. Shumkin</i> . Treasures of rock art in Russian Arctic	171
II.5. <i>A. V. Polyakov, I. P. Lazaretov</i> . Modern chronology of the Paleometal Ages of the Minusinsk Depressions	188
II.6. <i>S. S. Minyaev</i> . Contemporary problems in the study of Huns (Xiongnu)	203

Chapter III. Investigating Classical antiquities

III.1. <i>V. A. Goroncharovskiy</i> . The Semibratnee Hillfort (Labris) based on the data from the excavations of the Bosphorus expedition of the Institute for the Material Culture History in 2001 to 2009	211
III.2. <i>S. V. KashaeV</i> . The graveyard of Artiuschenko 2 (5 th to 2 nd centuries BC)	230
III.3. <i>Y. A. Vinogradov</i> . The sacred place of the antique settlement of Artiuschenko-1	254
III.4. <i>N. F. Solovieva, S. L. Soloviev, E. K. Blokhin, and E. E. Kazakov</i> . Palmira in time and space	271

Chapter IV. Slavs, Scandinavians and Finns in the Northwest Russia

IV.1. <i>V. A. Lapshin</i> . The study of Staraya Ladoga: achievements and perspectives	289
IV.2. <i>E. N. Nosov and N. V. Khvoschinskaya</i> . The Rurik's Hillfort, an outstanding archaeological site of the Ancient Rus'	303
IV.3. <i>I. I. Eremeev</i> . Considering the Scandinavian agricultural colonization in Eastern Europe in the Early Middle Ages	324
IV.4. <i>A. I. Saksa</i> . Vyborg, a city at the crossroads of history	348

References	379
List of abbreviations	417

IV.3. К ВОПРОСУ ОБ АГРАРНОЙ СКАНДИНАВСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ*

И. И. Еремеев**

Аннотация. В статье делается попытка использовать находки металлических деталей пахотных орудий VI–X вв. из Центральной Швеции и Ильмень-Волховского региона в качестве источника по изучению ранних славяно-скандинавских культурных взаимодействий. Собранный материал указывает на то, что комплекс орудий обработки земли из Нижнего Поволжья до середины X в. имеет смешанный характер и обнаруживает значительное сходство с набором орудий Центральной Швеции и связанных с ней областей Восточной Прибалтики. Это, по мнению автора, позволяет ставить вопрос о наличии в скандинавской экспансии в Восточной Европе (на начальных ее этапах) элементов аграрной колонизации.

Ключевые слова: Поволжье, Старая Ладога, история земледелия, славяне и скандинавы.

* Работа выполнена в рамках направления ПФНИ: 191. Исследование государственного развития России и ее места в мировом историческом процессе (тема № 0184-2018-0003 «Славяне, финны и германцы в эпоху Средневековья. Этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития»).

Выражаю искреннюю признательность за поддержку, оказанную мне во время сбора материала, литературы и архивных источников для данной работы профессору И. Янссону (Стокгольмский университет) и хранителю фонда «Археология» Староладожского музея Г. А. Шагому.

Все рисунки пахотных орудий, выполненные мною к этой работе, сделаны с натуры. Места хранения предметов указаны в шифрах на рисунках: SHM (Государственный исторический музей, Стокгольм), Tumba (Временное хранилище археологических находок, Тумба, пригород Стокгольма), ГЭ (Государственный Эрмитаж), СЛМ (Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник), НГОМЗ (Новгородский государственный областной музей-заповедник), БГУ (Учебная лаборатория музейного дела Исторического факультета Белорусского государственного университета), НИМБ (Национальный исторический музей Республики Беларусь). Места хранения предметов, рисунки которых приводятся ниже по публикациям, следует искать в этих публикациях.

** Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии, ст. науч. сотр. ИИМК РАН. E-mail: eremeev_iimk@mail.ru

В исторической литературе о Восточной Европе преобладает образ скандинава как находчика, «легко меняющего весы купца на меч воина». Эта сильная, хотя и несколько пошловатая, фраза скрывает в себе интереснейшую и не решенную до сих пор проблему. Так ли легко было норманну на востоке сменить личину? Мог ли персонаж со столь сомнительной репутацией добиваться экономических и политических успехов в иноэтнической среде, не имея опоры в лице устойчивых селитебных анклавов соплеменников-земледельцев? Иными словами, не следует ли к весам и мечу добавит еще двор и рало?

Косвенные данные к характеристике проблемы. Двумя личным викингам не доверяли нигде. История этого недоверия начинается с известных злоключений свеонов-росов при дворе Людовика Благочестивого в Ингельгейме в 839 г. и продолжается далее в жесткой регламентации их поведения в Константинополе в русско-византийских договорах X в. Да и на Руси варягов далеко не всегда жаловали. К ним относились с подозрением люди самых разных сословий — от князя Владимира и его сына Мстислава до простых новгородцев. Эта двойственность отношения к выходцам с севера хорошо слышна в «Повести временных лет»¹.

В жизни морских пиратов европейского побережья торговля и разбой действительно шли рядом. Европейские источники дают нам довольно известий о вероломных нападениях норманнов, притворяющихся торговцами, чтобы обмануть бдительность прибрежных жителей. Подобный же сюжет, замствованный, похоже, из какой-то саги, содержит и известие «Повести временных лет»

¹ См. известия от 6488/980, 6523/1015, 6532/1024 гг.

о захвате Киева войском Олега. Надо, однако, учитывать разницу между тактической военной хитростью и политико-экономической практикой.

На Руси, в малообжитой сельской местности, вдали от моря, на узких лесных тропах и по берегам лесных рек скандинавам, несомненно, приходилось выбирать — разбой или торговля. Вряд ли обитавшее в лесах земледельческое население позволяло пришельцам бесконтрольно перемещаться по своей территории, свободно манипулируя весами и мечом. Уместно вспомнить известие «Стратегикона» (военный трактат, приписываемый императору Маврикию, 582–602 гг.) об отношении славян к гостям:

«К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны, препровождают их поочередно с места на место, куда бы тем ни было нужно; так что если гостю по беспечности принявшего причинен вред, против него начинает вражду тот, кто привел гостя, почитая отмищение за него священным долгом» (*Strategikon*. 372. 8–12; *Свод...* 1994. С. 369).

Отрывок повествует не только о первобытных законах гостеприимства, но и о наличии у славян ритуализированной системы контроля за иноплемениками, проникшими на территорию группы. Подобные системы, призванные обезопасить социум от вредоносных «чужаков», многократно описаны этнологами у разных народов мира.

«Стратегикон» объясняет — что, по мнению византийских профессиональных военных, требовалось, чтобы захватить полон и прочую добычу на землях славян. В трактате содержится развернутые рекомендации по организации грабительского похода по земледельческим регионам в лесисто-болотистой местности Дунайского левобережья (*Свод...* 1994. С. 369–381). Отметим следующие указания для войска, насчитывающего несколько тысяч солдат:

- Необходимо провести отвлекающий маневр частью войска, чтобы не дать врагу объединиться в один кулак. Опасность от промедления, давшего такую возможность, — неоднократно подчеркивается в сочинении.

- Поход должен быть организован в зимнее время, когда население не может укрыться в лесах. Бегство в лес и нападение оттуда как излюбленные тактические приемы славян постоянно упоминаются в трактате.

- При необходимости по пути следования войск с добычей лес вырубается.

- При стоянках необходимо размещать войска вдали от леса в укрепленном лагере.

- Нападение осуществляется стремительно по двум направлениям с охватом территории на 20 миль (дневной переход конницы).

- Из войска выделяются группы, занимающиеся грабежом, пока мобильная часть войска продвигается вперед, охватывая населенный регион.

- Все, оказывающие сопротивление, уничтожаются.

Картина, нарисованная императором, указывает на то, что славяне в своем привычном ландшафте представляли грозную силу, в первую очередь, очевидно, за счет каких-то особенностей социальной организации. Сложно сказать, способны ли были норманны в Восточной Европе в VIII–X вв. организовать что-то хоть отдаленно напоминающее это весьма небезопасное даже для византийской регулярной армии военное предприятие.

Были ли словене новгородские, кривичи и дреговичи, обитавшие между Припятью и Волховом, столь же воинственны и организованы, как склавны, дреговичи и кривичи, завоевавшие Македонию²? Этот вопрос, праздный для древнерусских книжников XII в., которые были убеждены, что первые и расселились с Дуная, для историков не так прост. Однако все имеющиеся археологические данные указывают на единый тип хозяйства и социальной организации раннесредневекового славянского мира. Летописи, упоминающие участие обитателей Приильменя и Верхнего Подвьяния в русских походах на Византию, свидетельствуют тем самым о развитых военных традициях общества. Оснований для того, чтобы говорить о социальной, хозяйственной или военной отсталости северо-восточных славян по сравнению со склавами Маврикия — у нас нет³.

Представляется, что славянские земли в бассейне Ильменя и Западной Двины, не говоря уже о более удаленных от Варяжского моря территориях, были мало уязвимы для внезапных набегов викингов. Исключение составлял лишь один регион — Нижнее Поволховье со Старой Ладогой.

² Эти этнонимы в средневековье, как известно, фиксируются письменными источниками как на Балканах, так и в Восточной Европе.

³ Г. Г. Литаврин писал об этом историческом подходе: «...каждое драгоценное свидетельство... о древних славянах следует, по-видимому, рассматривать в качестве фиксации определенного элемента всей системы...» (*Литаврин*, 2001. С. 527).

Специфика географии Восточно-Балтийского региона такова, что проникнуть на Ильмень внезапно морские дружины не могли. Появление кораблей в устье Невы не могло пройти незамеченным. Следовавший за тем долгий путь по Неве с ее быстрым встречным течением и Ладжоскому озеру позволял обитателям Невского устья отправить гонца сухим путем и предупредить о нападении обитателей Приильмения. Волховские пороги сводили на нет фактор внезапности, даже если гонец задерживался в пути. Оставив корабли, дружине норманнов пришлось бы, теряя лишняя, бродить по лесам от поселения к поселению, не поспевая за убегающим в лес населением. Армия викингов, подобная тем, что действовали в Европе, конечно, могла решить все военные задачи, но весьма сомнительно, чтобы она могла собраться для действий и прокормить себя в восточноевропейских лесах. Та же проблема вставала бы перед скандинавскими пиратами, попробуй они совершить грабительский поход вверх по Западной Двине. Конечно, такие попытки имели место, но вряд ли являлись постоянной практикой, ведущую к какой-либо прочной зависимости.

Спорно предположение, что воин, только что с риском для жизни добывший в сражении рабов, отправился бы после этого закупать меха и снаряжать моноскилы для похода на Каспий, в Херсонес или Константинополь. Военный набег и весенне-летние предприятия росов (такие, какими мы их знаем по трактату Константина VII Багрянородного) требуют совершенно разной логистики. И еще более фантастическим выглядит предположение, что после разбойных набегов на славян росам было бы позволено строить в их земле, в лесах верхней Волги и верховьев Днепра, флот, спускать его на воду, проходить многочисленные лесные пороги и выходить на большую воду, ведущую в Каспийское и Черное моря.

Тем не менее исторические источники (Бертинские анналы, труд Константина VII, «Повесть временных лет», некоторые сочинения восточных авторов) в совокупности указывают на то, что какая-то система контроля над Восточно-Балтийским регионом в IX в. была скандинавами установлена. Безусловно, сделать это было проще, имея здесь опору в виде постоянной системы сельскохозяйственных поселений. Такая система позволяла бы накапливать военные силы и ресурсы, меньше зависеть от кораблей и корабельных стоянок. А главное, она позволяла бы совершать походы в зимнее время — тогда, когда лес не дает сельскохозяйственному населению необходимого убежища. Речь идет не только о крупных поселениях вроде Гнездова или Рюрикова Городища, но и о небольших селениях или даже усадьбах, включенных в систему коммуникаций. Чтобы проверить это предположение, надо попробовать отыскать в Восточной Европе, в частности в Ильмень-Волховском регионе, следы варяжской сельской колонизации или иммиграции сельскохозяйственного населения.

Подобная постановка вопроса не нова. Впервые о существовании на Руси до призвания варягов оседлых скандинавов-колонистов писал, как известно, еще В. Томсен (*Томсен*, 1891). Периодически эта тема звучит в трудах исследователей (*Jansson*, 1997; *Стальсберг*, 2015). Ответ на этот вопрос лежит в первую очередь в демографических, хозяйственных и географических реалиях самой Скандинавии второй половины I тыс. н. э.

Археологические исследования показали, что особенно тесная связь с Восточной Европой установилась в эпоху викингов у населения Средней Швеции и о. Готланд. Коротко охарактеризуем раннесредневековую историческую географию этих регионов. При этом основными источниками нам будут служить данные спорово-пыльцевых диаграмм о ландшафтной динамике и составе возделываемых культур, карпологиические материалы из раскопок поселений, а также находки сельскохозяйственных орудий.

Динамика ландшафтов и история земледелия в Средней Швеции во второй половине I тыс. н. э. по данным древних спорово-пыльцевых спектров. Палинологические исследования, направленные на изучение антропогенной динамики ландшафтов в железном веке и средневековье, проводились во многих районах Швеции (*Engelmark*, 1978; *Regnéll*, 1989; *Segeström*, 1990; *Berglund*, 1991; *Wallin*, 1996; *Björkman*, 2001). Для нас важное значение имеют материалы, полученные в результате палеоботанического изучения Средней Швеции, в провинциях Уппланд, Вестманланд, Нерке, Эстерётланд, Сёдерманланд (Uppland, Västmanland, Närke, Östergötland, Södermanland), где расположены наиболее подробно изученные раннесредневековые археологические комплексы (*Widgren*, 1983; *Miller, Hedin*, 1988; *Almgist-Jacobson*, 1994; *Robertsson et al.*, 1995; *Karlsson, Robertsson*, 1997; *Eriksson*, 1999; *Karlsson*, 1999).

Начало земледельческой деятельности в Средней Швеции и на прилегающих территориях, прослеживаемое по данным спорово-пыльцевого анализа (СПА), относится к эпохе неолита и связано с культивацией ячменя и пшеницы (*Florin*, 1958. P. 231, 235, 239, 242). Начиная с эпохи бронзы (около 3000 л. н.) отмечается выращивание льна (*Karlsson et al.*, 1995. P. 325). С римского времени и на протяжении всего I тыс. н. э. в районе оз. Меларен и на прилегающих территориях фиксируются следы культивации конопли (*Fries*, 1962; *Påhlsson*, 1981; *Miller, Hedin*, 1988. P. 38). Соседние области Швеции дают и более ранние датировки начала выращивания конопли (вплоть до 2500 л. н.) (*Björck et al.*, 1995. P. 342, 343).

В римское время и в эпоху переселения народов (первая половина I тыс. н. э.) интенсивность сельскохозяйственного освоения областей Средней Швеции заметно возрастает. Обширные территории очищаются от леса. В озерных и болотных отложениях, датированных этим временем, фиксируются следы использования огня для расчистки пахотного пространства (Miller, *Edin*, 1988. P. 67, 68). На протяжении всего I тыс. н. э. основными выращиваемым в Средней Швеции и на сопредельных территориях хлебными злаком оставались ячмень, пшеница и овес (Robertsson *et al.*, 1995. P. 286; Eriksson, 1999. P. 28; Karlsson, 1999. P. 19, 20). Первые пшлцевые зерна ржи спорадически появляются в спектрах в различных районах Средней Швеции то начиная с эпохи раннего железа (Widgren, 1983. P. 91), то с римского времени (Almgist-Jacobson, 1994. P. 56) или эпохи переселения народов (Eriksson, 1999. P. 28, 31)⁴. Незначительно количество пылцы ржи на всех этих ранних отрезках диаграмм указывает на отсутствие ее целенаправленной культивации. Все это время продолжается выращивание льна (Pählsson, 1981. P. 80).

Палеоботанические свидетельства о ландшафтной динамике Меларского региона на последующее время, в эпоху викингов, суммированы в ряде статей (Karlsson, Robertsson, 1997; Karlsson, 1999). Именно в IX–XI вв. отмечен особенно резкий рост интенсивности антропогенного воздействия на ландшафт оз. Меларен. Растут открытые пространства, что выражается на диаграммах ростом кривых можжевельника. В спектрах увеличивается количество пылцы злаков: пшеницы, ячменя, овса. Впервые появляются свидетельства целенаправленной культивации ржи (Karlsson, Robertsson, 1997. P. 66). В составе лесной растительности происходят заметные изменения, главным из которых является повсеместное угнетение широколиственных пород. Практически во всех пшлцевых диаграммах из района Средней Швеции резко уменьшается кривая дуба и лещины⁵. Возрастает роль ели и сосны, постепенно занимающих, по-видимому, пространства, очищенные человеком от широколиственных пород деревьев (Karlsson, 1999. P. 17). Вопрос о природе раннесредневекового максимума хвойных пород трактуется исследователями по-разному, в частности, и как результат упадка сельского хозяйства (Engelmark, Wallin, 1985. P. 365). На фоне роста в позднем железном веке в районе Средней Швеции числа поселений более вероятной кажется связь экспансии сосны и ели с распространением экстенсивных форм земледелия. Рост численности населения приводил к необходимости освоения новых земельных участков, удобрения для которых не хватало. Это вело к быстрому выводу из сельскохозяйственного оборота вновь расчищенных участков и поиску новых угодий. На заброшенных же пашнях широколиственные породы замещались елью и сосной.

На вопросе о культивации ржи в Средней Швеции в эпоху викингов следует остановиться подробнее. Начало роста кривых ржи зафиксировано в это время на диаграммах во множестве пунктов Меларского региона — в Борсёкнашён (Borsöknasjön) и Тэкторпшён (Tacktorpsjön); Фатбуршён (Fatburssjön); Шуе Риддаре Треск (Sju Riddares Träsk, Болото Семи Рыцарей); Ольдпуссен (Äldpussen), Россеберга (Rössberga) (Karlsson, Robertsson, 1997), в Уппсале, где в пшлцевом спектре начала эпохи викингов зафиксирован василек (Eriksson, 1999. P. 32) — специфический сорняк ржи. При этом сравнительно незначительное количество пшлцевых зерен ржи в большинстве спектров (Karlsson, Robertsson, 1997. P. 66) позволяет считать, что она не имела в Средней Швеции в VIII–X вв. самостоятельного места в составе культивируемых злаков, а высевалась в небольших количествах в смеси с другими культурами, т. е. отчасти выступала еще в роли сорняка.

Эта особенность набора хлебных злаков отличает область Средней Швеции (и отчасти более северных территорий) от Южной Швеции, где экспансия ржи в пшлцевых спектрах начинается в более раннее время, чем эпоха викингов (Berglund, 1991). Материалы СГА привели палеогеографы к выводу, что начало культивации ржи в районе оз. Меларен и на прилегающих территориях относится ко времени около 1000 л. н. (Robertsson *et al.*, 1995. P. 287, 293).

Картина сельскохозяйственного освоения Северной Швеции во второй половине I тыс. н. э. имеет свои особенности. По-видимому, теплолюбивая пшеница не культивировалась на севере вовсе или же выращивалась в незначительных количествах и не нашла отражения в изученных озерных отложениях. Исследования, проведенные в южной части провинции Онгерманланд (Ängermanland), выявили, что пылца ржи появляется в спектрах около рубежа н. э. и возрастает в числе после 500 г. (Wallin, 1996. P. 304, 305). Начало же самостоятельной культивации ржи, отмеченное резким ростом количества пылцы в спектрах,

⁴ Радиоуглеродные даты появления пылцы ржи в спектрах окрестностей Уппсалы — 1675±75; 1530±75 BP (Eriksson, 1999. P. 30)

⁵ Некоторые исследователи связывают уничтожение дубрав с ростом судостроения и с рубкой дуба для строительных нужд (причалы и фортификационные сооружения) (Karlsson, Robertsson, 1997. P. 59, 66), но более вероятно сведение дубрав при расчистке сельскохозяйственных угодий. Отметим, что вместе с дубом из пшлцевых спектров исчезает и лещина, произрастающая в сходных с ним почвенных условиях (на глинистых почвах) (Karlsson, 1999. P. 20), а также липа и вяз (Karlsson, 1999. P. 17).

относится так же, как и в Средней Швеции, к периоду около 1000 г. (Wallin, 1996, P. 304). В целом шведские пыльцевые спектры I тыс. н. э. указывают на постепенное вхождение ржи в состав целенаправленно культивируемых злаков. До этого ведущее место принадлежало ячменю (Wallin, 1996, P. 308).

Нужно отметить, что датировки пыльцевых спектров в диаграммах, как правило, немногочисленны и достаточно условны (палеогеографы обычно оперируют понятием «эпоха викингов»), а при решении стоящих перед нами исторических проблем датирование того или иного периода в развитии земледелия концом восьмого, девятым или десятым столетием принципиально важно. Сами по себе спорово-пыльцевые диаграммы пока не дают возможности для таких узких датировок.

Дать более точную привязку спорово-пыльцевых данных к абсолютной хронологии помогают исследования растительных макроостатков из культурных слоев поселений.

Данные карпологии о земледелии в Средней Швеции во второй половине I тыс. н. э. Детальная картина древнего земледелия дает изучение растительных макроостатков из культурных слоев, давно ставшее в Швеции составной частью полевых региональных археологических исследований (Helbaek, 1955; Engelmark, 1981; Wennberg, 1986; Hansson, 1995; 1997a; Ramqvist, 1992; 1998). Несколько работ посвящены изучению растительных макроостатков, обнаруженных в погребениях (Hansson, 1997b; Hansson, Bergström, 2002).

Данных по Средней Швеции эпохи викингов еще сравнительно немного — карпологические материалы получены при раскопках раннесредневековых поселений в Санда (Sanda), Гёрла (Görla), Шетггеста (Skäggesta) и при исследованиях в Бирке (Karlsson, Robertsson, 1997, P. 51). Только лишь на материалах этих поселений затруднительно получить представительную картину для всего региона. Поэтому в дальнейшем уместно будет обратиться к материалам некоторых соседних областей, в первую очередь расположенных к северу от Меларского региона.

Сначала все же упомяну о результатах исследований в Упланде. На перечисленных выше четырех изученных здесь поселениях доля ржи (*Secale*) среди определенных зерновок злаков составляет от 0,3 % (Sanda) до 7 % (Birka) (Karlsson, Robertsson, 1997, P. 51). Главное же место в наборе культивируемых злаков принадлежит ячменю (*Hordeum*) — от 37 % (Birka) до 78,3 % (Skäggesta), пшенице (*Triticum*) — от 19,6 % (Skäggesta) до 47,9 % (Sanda) и овсу (*Avena*) — от 0,7 % (Görla) до 15 % (Birka) (Karlsson, Robertsson, 1997, P. 51). При подобной пропорции ржи речь о ее целенаправленной культивации идти еще не может.

Исследования растительных макроостатков на поселениях Северной Швеции дали картину, аналогичную той, которую рисуют пыльцевые спектры. В провинции Хельсингланд (Hälsingland) небольшое количество зерен ржи (1 %) при ведущей роли ячменя (83 %) и овса (6 %) отмечено среди определенных макроостатков культивируемых растений уже на поселении эпохи переселения народов Трогста (Trogsta). Лен составляет здесь 10 % (Wennberg, 1986, P. 258, 259). Пшеница среди определенных зерновок отсутствует. Карпологические исследования селища эпохи викингов Арнесбакен (Arnäsbaden) в провинции Онгерманланд (Ångermanland) выявили аналогичный спектр культивируемых растений, также без участия теплолюбивой и требовательной к почвенным условиям пшеницы: ячмень (*Hordeum*) — 82 %, овес (*Avena*) — 14 %, рожь (*Secale*) — 1 %, хмель и/или конопля (*Cannabaceae*) — 3 % (Ramqvist, 1998, Fig. 91).

Теперь мы можем отметить главные особенности развития набора культурных злаков в Средней Швеции и в прилегающих регионах во второй половине I тыс. н. э. Все это время набор остается достаточно стабильным и включает пшеницу (для Меларского региона и более южных территорий), ячмень и овес. Рожь присутствует в незначительном количестве, постепенно увеличивая свою долю в спектрах и зерновках отмыках, полученных при раскопках поселений. Наблюдается преемственность в составе возделываемых злаков между эпохой переселения народов, вендельским временем и последней четвертью I тыс. н. э. Новации эпохи викингов выражаются в более частом по сравнению с предшествующим временем появлении в образцах ржи, которая пока что по-прежнему выступает преимущественно в качестве сорняка ячменя и пшеницы.

В целом набор земледельческих культур Средней Швеции не отличался от такового в лесной части Восточной Европы. Хозяйственное развитие этих регионов шло примерно одинаковыми темпами и в одном направлении.

Древние аграрные ландшафты Средней Швеции и соседних территорий. Исторические и ландшафтные особенности земледельческого использования в Средней Швеции способствуют сохранению древних элементов в составе современных аграрных ландшафтов. Эта черта позволила исследователям реконструировать динамику систем земледельческого использования на протяжении I тыс. н. э. (Widgren, 1983).

Ландшафтно-хозяйственные структуры, сложившиеся в раннем железном веке — в первой половине I тыс. н. э., включали в себя небольшие сельские поселения с примыкающей к ним устойчивой системой пастбищ, покосов и небольших пахотных полей, разграниченных сложными из валунов

стенами. Поля уже с конца I тыс. н. э. удобрялись навозом, накопившимся за счет ночного и зимнего содержания скота в усадьбах (Welinder, 1975. P. 83; 1994. P. 37–40; Widgren, 1983. P. 123).

Собственно следов распашки I тыс. н. э. в Средней Швеции и в прилегающих регионах известно сравнительно немного. Следы древних пахотных орудий в Европе находят преимущественно под насыпями курганов и валами городищ. В Средней Швеции устойчивость земельных участков и дефицит пригодных для обработки почв вели к тому, что на пахотных полях редко сооружались могильники. Так же как и городища, они локализуются обычно на краях долин вне аграрных ландшафтов (Hyenstrand, 1981. P. 10). Один из самых ранних пахотных участков зафиксирован при раскопках в Лукста (Lucksta, провинция Medelpad) и датируется ранним железным веком (до рубежа I и II тыс. н. э.). Распашка производилась по двум взаимно перпендикулярным направлениям однозубым ралом с V-образным в вертикальном сечении наконечником (Broadbent, 1985. P. 390, 392). Значительный участок пахотного поля, датирующийся V в. н. э., исследован в той же провинции при раскопках большого кургана в Хёгом (Högom) (Ramqvist, 1992. P. 198–200). Пахота производилась однозубым ралом по тому же принципу, что и распашка в Луксте. Ширина борозд составляла 0,05 м (о глубине распашки судить трудно), расстояние между бороздами около 0,5 м. Последнее говорит о том, что изученная поверхность была использована под посевы всего несколько раз. Судя по результатам карпологических исследований поселения в Хёгом, подобным образом готовились поля под посевы ячменя (Ramqvist, 1992. P. 210).

Земледельческие орудия в Средней Швеции и Юго-Западной Финляндии во второй половине I тыс. н. э. На протяжении раннего железного века и римского времени в Средней Швеции использовались однозубые рала без металлических наконечников. Во всяком случае, при наличии следов распашки этого времени железных пахотных орудий пока не найдено. Вероятно, и на протяжении второй половины I тыс. н. э. деревянные орудия преобладали в наборе орудий почвообработки.

Деревянные части рал находят очень редко. В Средней Швеции известны всего два деревянных пахотных орудия, относящихся к раннесредневековому времени. Это однорукояточные дубовые рала из Тиббле (Tibble, Södermanland) и Сварварбо (Svarvarbo, Uppland), имеющие радиоуглеродные датировки (рис. 1). Первое рало датируется концом вендельского времени и ранней эпохой викингов (1250±80 и 1130±70 BP), второе — концом эпохи викингов (970±80 BP) (Jirlow, 1973. P. 20–22)⁶.

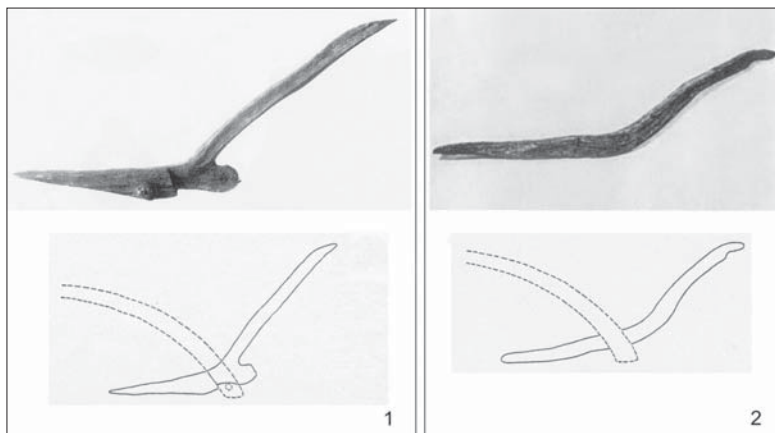

Рис. 1. Рабочие части дубовых рал эпохи викингов из Швеции и реконструкции их использования (Jirlow, 1973): 1 — Тиббле; 2 — Сварварбо. Без масштаба

⁶ Первоначально рало из Сварварбо исследователи датировали по пыльце, собранной в углублениях дерева, суббореалом, т. е. эпохой бронзы (Краснов, 1975. С. 98).

Оба они принадлежат к типу IV по Франтишкеу Шаху (František Šach) и представляют простейшие рала с горизонтальной подошвой, составляющей единое целое с рукоятью, стоящей к ней под углом около 45° (Šach, 1968. P. 11, 12). Осталось неясным, имели ли рала железные наконечники.

Горизонтальная (или близкая к горизонтальной) постановка достаточно длинной рабочей части делает эти изделия малопригодными для обработки завалуненных и тяжелосуглинистых почв, а также для участков, недавно очищенных от леса и насыщенных корнями деревьев. Горизонтальный полоз создавал слишком длинное плечо силы при выдергивании рала из земли, когда на его пути встречалось препятствие. Можно предположить, что подобные орудия применялись преимущественно на аллювиальных почвах, лишенных камней, и на старопашотных участках с легкими почвами, расчищенными предшествующими поколениями земледельцев.

Демографические изменения и рост числа поселений в районе Средней Швеции около середины — третьей четверти I тыс. н. э. открыли новый этап внутренней колонизации, охвативший участки с широколиственными породами деревьев. Интенсивное сельскохозяйственное освоение новых территорий требовало более эффективных орудий обработки почвы.

Распространение в Швеции рал с железными наконечниками Янкен Мюрдаль некогда отнес ко времени около 500 г. (Myrdal, 1982). Ближайшая к району Средней Швеции находка этого времени была тогда известна на Готланде — железный наральник из постройки 17 поселения Вальхагар (Vallhagar), датированной 400–550 гг. (Stenberger, 1955. P. 1146). Это широкий, слегка асимметричный наконечник с длинными «крыльями», крепившимися его к деревянной основе (рис. 2)⁷.

С тех пор в Средней Швеции сделана еще одна находка, важная для понимания истории земледелия в Скандинавии. В подкурганном погребении в могильнике Кумла (Kumla, Södermanland) был найден миниатюрный наральник со следами дерева внутри, что говорит о том, что на погребальный костер было положено целое рало (рис. 3: 1)⁸. Нральник из Кумлы имеет подтреугольную рабочую часть. Деревянная основа, на которую он насаживался, имела в ширину всего 5,2 см, а в толщину всего 1,8 см.

Следует заметить, что погребение A25:2 отличается особой роскошью сопроводительного инвентаря, в составе которого были даже фрагменты золотых украшений и стеклянная посуда (рис. 3: 2). Своими размерами курган A25 также выделяется в могильнике. Возможно, все это следует расценивать как свидетельство того, что орудия с железными наконечниками были в то время еще редкими и дорогими, что и обусловило помещение рала в могилу местного аристократа.

Комплекс датируется VI–VII вв. (Drotz, Ekman, 1995. S. 164). Радиоуглеродная дата погребения: 1580±90 BP (Beta-59487), что при калибровке (2σ) дает хронологический интервал 250–650 AD (Drotz, Ekman, 1995. S. 172).

Нральники эпохи викингов, найденные в датирующемся контексте, представлены в Средней Швеции тремя находками. Одно орудие происходит из Бирки — из погребения Bj. 562 (Arbman, 1943. S. 182). Нральник, бывший в употреблении (его рабочая кромка носит следы использования) поврежден и не годен к работе (рис. 4: 1). Поскольку погребение располагалось близ кухни возле «гарнизонного дома» Бирки, есть основания предполагать, что сломанный наральник происходит из культурного слоя мастерской и с захоронениями не связан. Датировка изделия определяется, таким образом, временем жизни Бирки в целом — второй половиной VIII — X в.

Нральник имеет лопатообразную рабочую часть с притупленной кромкой. Следует оговорить, что подобное оформление рабочей кромки не бывает результатом износа заостренного наконечника. Протертые в ходе работы заостренные наконечники выглядят по-другому, что можно увидеть, например, на наральниках из Деревяниц или Городища на Менке (они имеют характерное раздвоение на конце) (рис. 11: 3; 12: 1). Обращает на себя внимание очень тонкая втулка наральника из Бирки, подразумевающая небольшую толщину деревянной части рала (насада) — ок. 1,5 см.

Еще одна находка из Уппланда, датируемая эпохой викингов, сделана неподалеку от Бирки на поселении Поллиста (Pollista) в контексте усадьбы IX–XI вв. (Hållans, 1986. S. 42, 43; Åqvist, Flodin, 1992. P. 318). Нральник из Поллисты очень близок изделию из Бирки (рис. 4: 2). Это широкая и достаточно тонкая железная пластина, насаживавшаяся на очень тонкую деревянную основу (ок. 2 см толщиной). Нральник асимметричен и имеет длинные загнутые «крылья» шириной чуть больше половины всей длины изделия.

⁷ Аналогичные изделия продолжали бытовать на Готланде и на Оланде до начала II тыс. н. э. X–XIII вв. датируются похожие находки с поселения Фьяле (Fjåle) (Carlsson, 1979. Fig. 141; Myrdal, 1982. S. 86) и Экеторп III (Eketorp III, 1998. S. 68).

⁸ К сожалению, авторе раскопок опубликовали рисунок находки в нерасчищенном виде (Drotz, Ekman, 1995. Fig. 40). Когда десять лет спустя я получил возможность с ней ознакомиться, наконечник по-прежнему не был принят на хранение в музей и не прошел реставрацию. Из-за толстого слоя окислов судить о точных размерах изделия сложно.

Рис. 2. Железные земледельческие и бытовые орудия и оружие с поселения Вальхгар на о. Готланд (*Stenberger, 1955*)

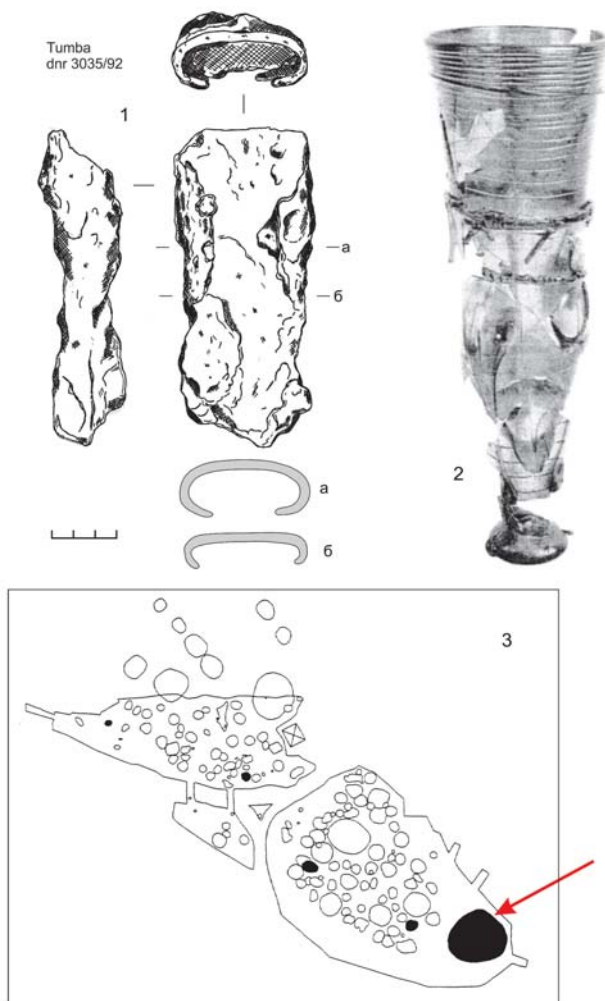

Рис. 3. Железный наральник и стеклянный кубок из погребения 2 кургана A25 (на плане отмечен стрелкой) в могильнике Кумла (Kumla, Södermanland, Häradssn.). Выделены погребения ранневендельского времени (400–600 гг. н. э.):

1 — рис. И. И. Еремеева; 2, 3 — Drotz, Ekman, 1995

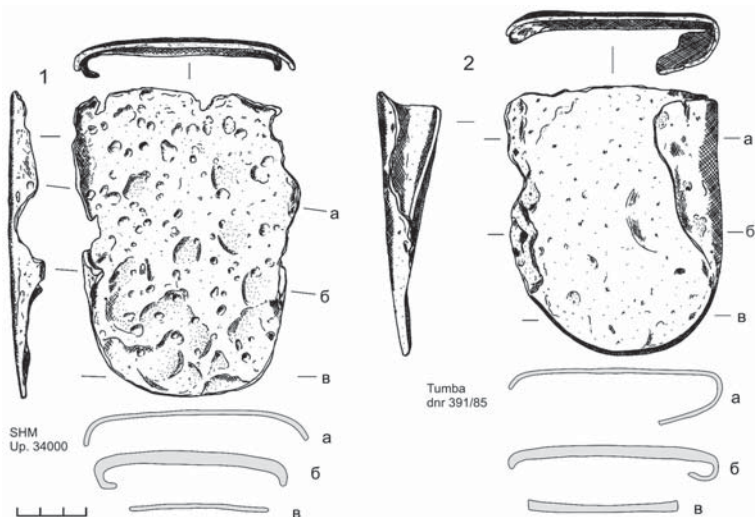

Рис. 4. Наконечники пахотных орудий эпохи викингов из Меларского региона Швеции:

1 — Бирка; 2 — Поллиста. Рис. И. И. Еремеева

Можно высказать некоторые предположения относительно конструкции рал, которым принадлежали наральники из поселений Вальхагар, Бирка и Поллиста. Тонкая втулка и большая ширина наконечников свидетельствует о том, что они надевались на рала с горизонтальной подошвой (полозные). Некоторая асимметрия рабочей части (если она не случайна) связана, возможно, с какими-то особенностями использования изделий. Впрочем, вряд ли можно строить какие-то уверенные выводы на асимметрии наральников — все они индивидуальны. Более узкие наконечники с приотсрещенной рабочей частью (Кумла) принадлежали, вероятно, более легким орудиям, имевшим возможность постановки наконечника рала к поверхности пашины под увеличенным углом.

Кроме двух вышеуказанных типов наконечников в Средней Швеции известны также находки длинных массивных наральников (рис. 5: 1, 2; 6). Находки эти большей частью не имеют надежного контекста, и можно было бы отнести их все к более позднему времени, чем эпоха викингов, если бы не находка в одном из курганных погребений X в. железного амулета, изображающего в мельчайших деталях именно такой наральник. Несмотря на небольшие размеры, амулет очень реалистичен — мастер даже передал небольшой угол, под которым рабочая часть загибалась в сторону втулки, чтобы предотвратить соскальзывание наральника с насада (рис. 5: 4, 5). Эта находка сделана в кургане № 3 могильника Фрескати (Lilla Freskati) на месте современных корпусов Стокгольмского университета (Thålin-Bergman, 1984. S. 24–26).

Подведем промежуточный итог. С VI–VII вв. до X в. в Швеции бытуют два типа сельскохозяйственных орудий, которые в зависимости от местных условий могли снабжаться железными наконечниками. Надо подчеркнуть, что последние удвевняли срок службы рала, но не являлись его необходимой деталью. Итак.

● Рало с широким и плоским полозом. В процессе работы оно срезало дерн и неглубокий верхний слой почвы, раздвигая его на обе стороны. Образцом орудия такого рода является рало из Тиббле. По своей конструкции этот тип орудия мог существенно варьировать, как показывает рало из Сварварбо, отличающееся по конструкции, но сходное с ралом из Тиббле по принципу работы. Для таких орудий предназначались широкие наконечники с плоской втулкой, образцы которых найдены на Готланде (Вальхагар) и в Упланде (Бирка и Поллиста). Подобные полозные рала предназначались для обработки старопахотных почв, а также для распушки безвалунных почв на аллювиальных и озерных отложениях.

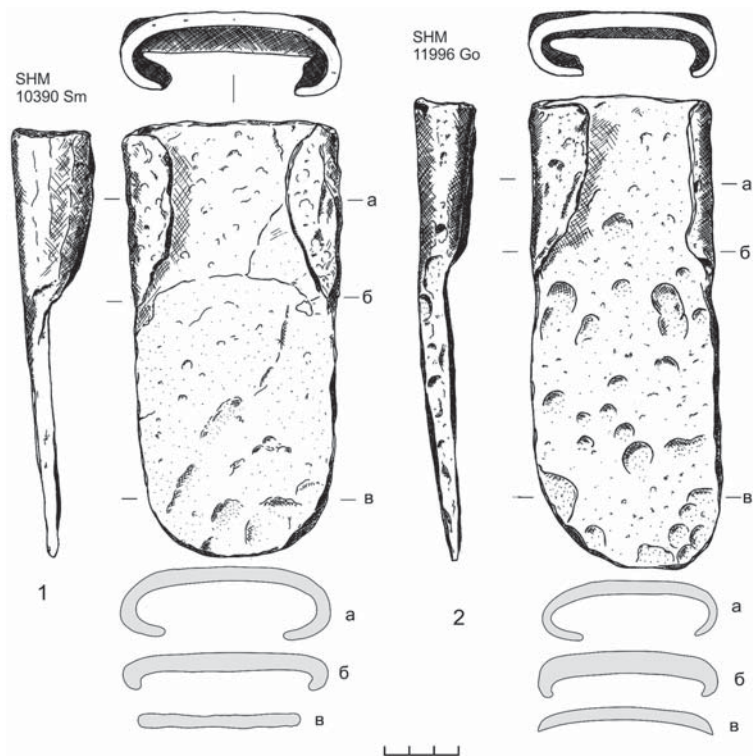

Рис. 6. Железные нарральники из Швеции:

1 — приход Линнерюд, Смоланд (Småland, Linneryd sn.); 2 — Ганнарве, Готланд (Gotland, Stenkumla sn.). Рисунки И. И. Еремеева

• Более легкое рало. Наконечник из Кумлы указывает на существование легких орудий, возможно, тоже полозных. Можно предположить, что нарральники принадлежали более простым пахотным орудиям, близким типам I, III и VI по Франтишеку Шаху. Подобные рала гораздо более пригодны для обработки каменистых земель, пересеченных участков местности и лесных росчистей — почв, при распашке которых требуется постоянный контроль глубины борозды и периодическое выдергивание пахотного орудия из грунта на камнях и корнях. Не исключено, что рабочая часть такого орудия могла в случае необходимости быть повернута к почве под большим углом. Узость и легкость рабочей части позволяла быстро выдернуть ее из земли при встрече с препятствием. Вряд ли можно сомневаться, что основной функцией таких рал была обработка новин.

Не позднее X в. (судя по амuleту из могильника Фрескати) в Швеции появляется третий тип пахотных орудий — тяжелое полозное рало с массивным лопатообразным железным наконечником, лопасть которого значительно длиннее втулки. Появление этого орудия следует связывать с развитием первого из вышеперечисленных типов пахотных орудий. Возможно, утяжеление орудия определялось тем, что в плужную упряжку теперь ставились две лошади вместо одной. Некоторую роль, вероятно, сыграли

и расширившиеся возможности металлургии, позволявшей теперь изготавливать более массивные и долговечные железные изделия.

Дополнить представления о сельскохозяйственных орудиях Средней Швеции помогает обзор деталей пахотных инструментов, найденных на Аландских островах и в Юго-Западной Финляндии. Эти регионы, как известно, испытывали на себе сильное шведское влияние и содержали достаточно многочисленное оседлое население выходцев из центральных шведских провинций.

В Юго-Западной Финляндии известна одна находка средневекового полозного рала (рис. 7), близкого орудиям из Тиббле и Сварварбо. Это болотная находка из Пернио-Паарскюля (Pernio-Paarskylä), имеющая радиоуглеродную датировку 1290 CAL-AD (Brady, 1990. P. 164).

Для сопоставления со шведским материалом в нашем распоряжении из западных областей Финляндии оказывается всего 6 наконечников пахотных орудий, о форме которых можно судить уверенно, датирующихся эпохой викингов (Brady, 1990). Они распадаются на те же три типа, которые я уже описал выше, применительно к Центральной Швеции.

- Узколопастный наральник с плоской втулкой из Ванайа-Кирконкюля (Vanaja-Kirkonkylä), аналогичный наральнику из Кумлы (рис. 8: 3). Еще один наральник (более широкий и близкий по форме к треугольнику), сходный с этим типом, найден в Мухосе (Muhos). О форме втулки последнего судить нельзя, поскольку опубликован лишь абрис предмета (Brady, 1990. Fig. 10: 9).

- Два широколопастных наральника с Аландских островов из Йомала-Голбы (Jomala-Golby) (рис. 8: 1, 2), однотипны с находками из Бирки и Поллесты.

- Тяжелый наконечник с массивной втулкой из Лието-Наутела (Lieto-Nautela) (рис. 8: 4). Еще один фрагмент аналогичного наральника без втулки найден в Сальтвик-Кварнбо (Saltvik-Kvarnbo) на Аландах (рис. 8: 5). Эти орудия, несомненно, принадлежат к той же группе, что и шведские наральники, которые копирует амулет из Фрескати.

Как видим, Западная Финляндия в эпоху викингов вполне ожидаемо демонстрирует тот же набор сельскохозяйственных орудий, что и центральные области Швеции.

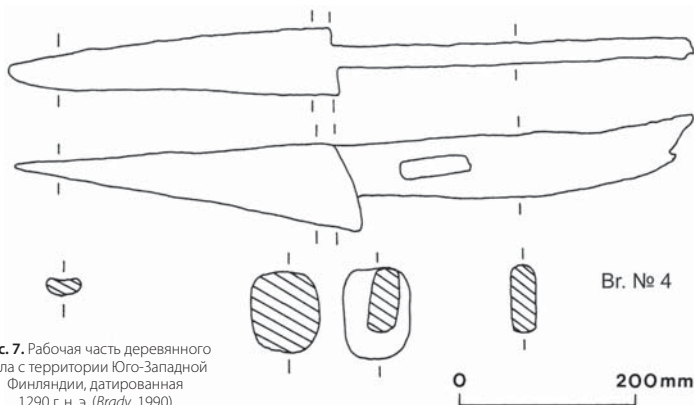

Рис. 7. Рабочая часть деревянного рала с территории Юго-Западной Финляндии, датированная 1290 г. н. э. (Brady, 1990)

После X в. сельскохозяйственные орудия Швеции становятся более разнообразными, но дальнейшие этапы их истории нам менее интересны, т. к. с середины X в. говорить о возможности влияния Скандинавии на сельскохозяйственные технологии Восточной Европы не приходится⁹.

⁹ Количество находок железных деталей сельскохозяйственных орудий на Руси в это время резко возрастает, и на первое место выходит соха. В одном лишь Новгороде в слоях второй половины X — начала XI в. к началу 2000-х гг. было найдено 6 сошников (Мурашева, Нефёдов, 2002. С. 190).

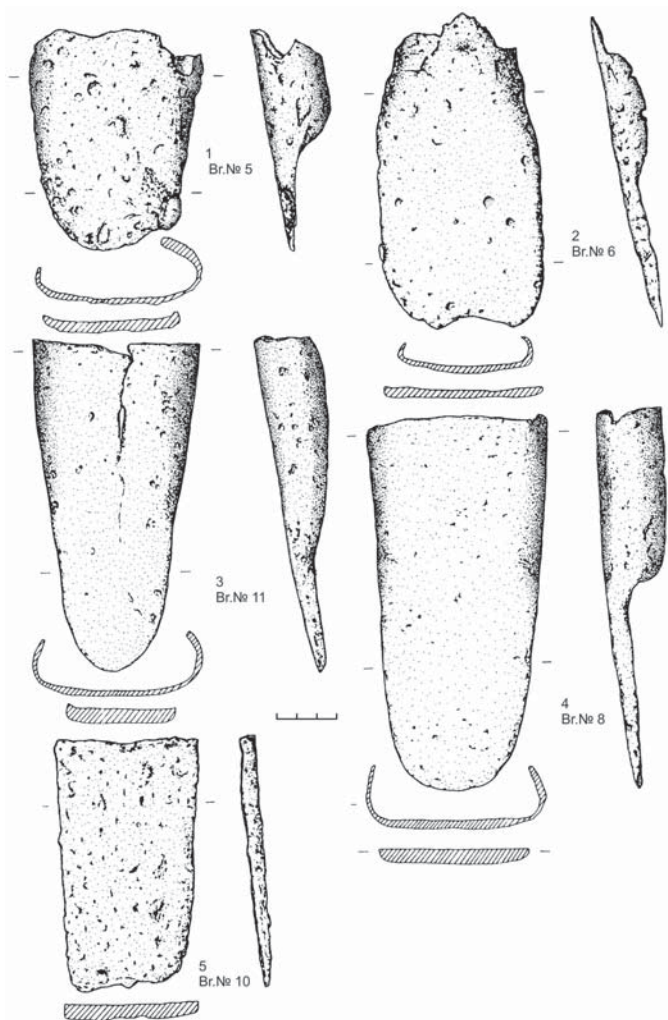

Рис. 8. Железные наконечники пахотных орудий с территории Финляндии (Brady, 1990).

Под порядковыми номерами — номера предметов по каталогу Н. Д. К. Брэди:

1, 2 — Йомала-Голби; 3 — Ванайя-Кирконкюля; 4 — Лието-Наутела; 5 — Салтвик-Кварнбо

Пахотные орудия Швеции и Нижнего Поволжья: сравнительный анализ. В археологической литературе, как известно, давно уже дискутируется предположение о присутствии в Восточной Европе в эпоху викингов земледельцев-колонистов из Скандинавии, в первую очередь из материковой Швеции и с Готланда. Возможно также участие в миграции скандинавов, обосновавшихся на Аландских островах и в Юго-Западной Финляндии.

Очевидно, при такой постановке вопроса первое, что мы должны сделать, — сравнить земледельческие орудия материковой и островной Швеции (вендельского времени и начальной эпохи викингов), Аландов и Юго-Западной Финляндии, и тех восточноевропейских регионов, которые, по свидетельствам археологии, испытали наиболее сильное скандинавское влияние. Такими регионами по эту сторону Балтики в первую очередь должны выступить Эстония, Поволжье и Приильмень, где в нашем распоряжении оказываются довольно многочисленные исследованные археологически древние поля и хорошо датированные детали земледельческих орудий.

Мысль о том, что земледельческая техника Прибалтики и Поволжья VIII–X вв. принесена из Северной Европы или, по крайней мере, испытала на себе сильное скандинавское влияние, неоднократно в разных формах высказывалась в литературе — сначала, как водится, немцами, а затем и отечественными историками (*Миролюбов*, 1972. С. 119; *Мугуревич*, 1985. С. 96; *Давидан*, 1994. С. 158; *Конецкий*, 2000. С. 254). При этом ни одной попытки детально сравнить пахотные орудия Швеции и Северной Руси сделано не было, главным образом из-за того, что находки с хорошими датировками являлись нечасто (в первую очередь, как мы видели выше, в самой Швеции). Попробуем произвести такое сравнение, насколько это позволяют накопившиеся источники.

Пахотным орудия из Поволжья посвящено несколько исследований (*Орлов*, 1956; *Миролюбов*, 1972; *Конецкий*, 2000), не считая использования этого материала в обобщающих работах (*Краснов*, 1987). Сам набор находок, которым можно оперировать в работе, со времен С. Н. Орлова и М. А. Миролюбова пополнился мало. Для Нижнего Поволжья VIII–X вв. у нас есть всего четыре наральника и сошник из Старой Ладogi и один наральник с открытого поселения при Любшанском городище¹⁰. Для характеристики пахотных орудий, так же как и ранее, мы будем использовать размеры и пропорции втулки, позволяющей говорить об угле наклона рабочей части рала по отношению к поверхности земли.

Древнейший наральник (Л1-1692) происходит из горизонта E₃ Земляного городища (1947 г., кв. Ж1, в основании слоя навоза со щепой). Нральник насаживался на очень легкое рало, толщина деревянного окончания которого (насада) составляла всего 1–1,5 см при ширине 5–6,5 см (рис. 9: 2). Понятно, что такой непрочный рабочий наконечник (даже усиленный железным покрытием) мог использоваться только на рале с горизонтальным полозом. Небольшая ширина наконечника, возможно, позволяла иногда увеличивать угол наклона рабочей части, подрезать корни и обходить камни. Такое рало могло использоваться как в поиме, так и на завалуненных моренных почвах коренного берега Волхова с обильным известнякового щебня.

Ближайшей аналогией этому наральнику является вышеописанная находка из кургана в Кумле (рис. 3). Хотя втулка ладожского наральника имеет другую форму, но по размерам, общим пропорциям и положению при использовании (под минимальным углом к поверхности почвы) он идентичен скандинавскому.

Еще один наральник (НГОМЗ 10064) происходит, как известно, с левого берега Ладogi и по своему стратиграфическому положению традиционно датируется ранней эпохой викингов (*Орлов*, 1956. С. 142; *Миролюбов*, 1972. С. 118). Нральник более крупный и широкий, чем предыдущий, но также предназначался для закрепления на насаде очень тонком (рис. 9: 1). Толщина последнего была всего 1,5–2 см при ширине 8,8 см. Этот наральник так же, как и наконечник с Земляного городища, предназначался для рала с горизонтальным полозом. Только в данном случае это, несомненно, было более массивное изделие, менее удобное для лесных новин и завалуненных моренных почв Поволжья.

Нральник с Ладogi находит аналогий среди орудий, распространенных в Швеции в вендельское время и в раннюю эпоху викингов (Вальхагар, Бирка, Поллиста) (рис. 2: 1; 4).

К этому же типу изделий принадлежит и наральник с лопатообразной рабочей частью с Любшанского селища (рис. 10: 2), найденный в 2006 г. в шурфе № 2, заложенном С. Л. Кузьминым (СЛМ КП-98610, инв. № А-22445)¹¹.

¹⁰ Как любезно сообщила мне Н. В. Григорьева, еще один наральник был найден при раскопках на Земляном городище в 2009 г. в слое второй половины IX в. К сожалению, отыскать его в Старой Ладoge мне пока не удалось, несмотря на помощь сотрудников Старолдожского музея и Старолдожской экспедиции. Возможно, он утрачен из-за плохой сохранности.

¹¹ Находка ранее не публиковалась. Принишу благодарность С. Л. Кузьмину за любезное разрешение использовать ее в данной работе. С. Л. Кузьмин сообщил мне также, что пахотные борозды были обнаружены в одном из его шурфов на любшанском селище, что отражено мною на рис. 13.

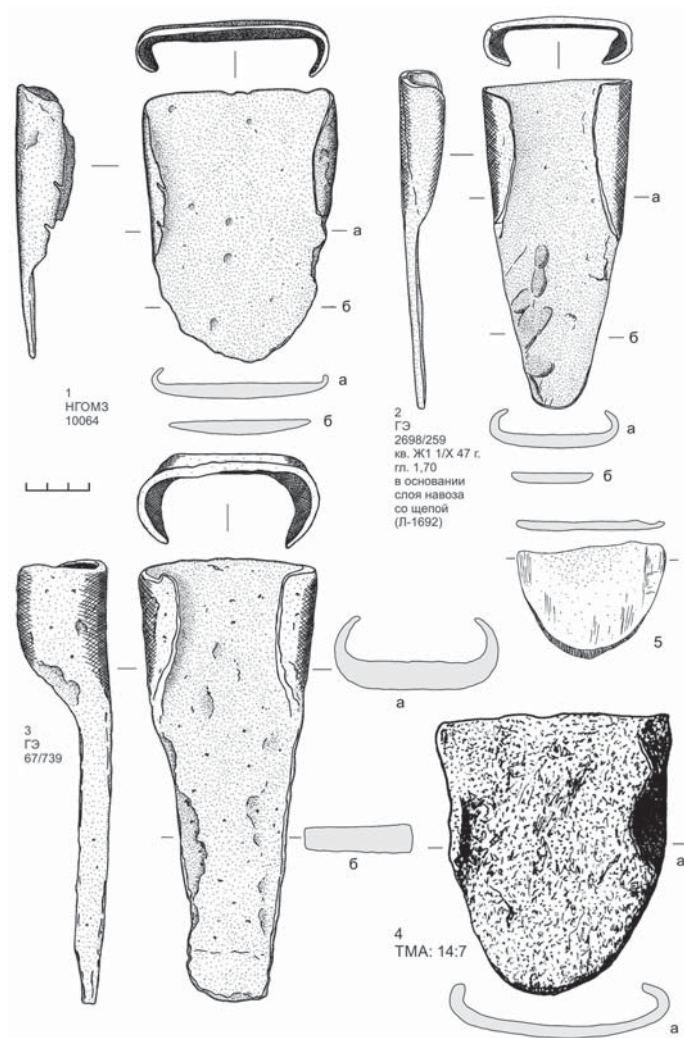

Рис. 9. Наральники из Старой Ладоги (1–3), Тарту (4) и Иру (5):
1–3 — рис. И. И. Еремеева; 4 — Tvaari, 2012; 5 — Lang, 1996

Добавим, что наральники, похожие на наконечники «НГОМЗ 10064» и «СЛМ КП-98610, инв. № А-22445» известны в Восточной Эстонии. Один из них найден на городище в Тарту (рис. 9: 4) и считается самым ранним из полностью сохранившихся эстонских наральников (*Мусуревин*, 1985. С. 87–89). Второй наконечник (к сожалению, фрагментированный) найден на поселении при городище Иру (рис. 9: 5). От него сохранилась только часть округлой лопатообразной рабочей кромки. Эстония с позднеримского времени испытывала на себе сильнейшее влияние скандинавских культурных традиций, и исследователи неоднократно высказывали мысль о связи древнейших эстонских наральников со Скандинавией.

Третий ладожский наральник (ЛГ-739 по М. А. Миролюбову) найден на Земляном городище в слое Х в. (*Миролюбов*, 1972. С. 121). Несмотря на пропорции, сближающие его с сошниками XI–XIV вв., это именно наральник, на что уже обращалось внимание в литературе (*Концевий*, 2000. С. 253; *Мурашева, Нефёдов*, 2002. С. 193). Об этом говорит небольшой угол, под которым лопасть повернута к втулке, а также сточенность (или намеренная уплощенность) на обращенной к втулке стороне лопасти, в месте ее окончания (рис. 9: 3). Его втулка гораздо более массивна, имеет овальную форму: толщина до 3,5 см при ширине 6–7,8 см.

Третий ладожский наконечник находит, на мой взгляд, аналогии среди массивных скандинавских наральников, представленных тем типом, который воплощен на амулете из Фрескати. Набор таких наральников можно видеть, например, в находке из Рюбю в Рослагене (Råby, Lohård sn., Uppland) (рис. 5: 1–3). Мы видим здесь те же элементы: длинная массивная рабочая часть, загнута под небольшим углом в сторону втулки, скошенность края лопасти со стороны втулки. Стенки втулки массивны и предназначены для сравнительно толстого насада. К числу аналогий относятся также находки из Юго-Западной Финляндии в Лието-Наулта и Салтвик-Кварнбо (рис. 8: 4, 5).

Так же, как и два предыдущие наральника, наконечник «ЛГ-739, 67/739» принадлежал полозному ралу. Массивность наконечника, большая толщина втулки определялась, видимо, не изменением угла наклона рабочей части, а усовершенствованием и утяжелением деревянной части рала, в которую позволялась возможность впрягать пару лошадей или быков.

Последний из известных мне ладожских наральников происходит из Никольского монастыря из шурфа № 8, заложенного О. М. Иоаннесяном в 1978 г. (СЛМ КП-84470, Инв. № А-16862)¹². Этот наконечник имеет широкую втулку и треугольную форму (рис. 10: 1). Орудие близко наральникам из Приильменья (рис. 11) и кривичско-дреговичского региона (рис. 12) и, видимо, является классическим для славянского населения этой земли.

Обзор пахотных орудий Старой Ладоги уместно завершить упоминанием узколопастного сошника, обнаруженного в предматериковых отложениях северной части ладожского мыса в раскопе Н. К. Стеценко 1983 г. (СЛМ, КП-95042, Инв. № А5-126)¹³. Сошник имеет следы ремонта — его рабочая часть сварена из двух сломанных изделий (рис. 10: 3). Напластования, из которых происходит находка, залегают под ранней (безрастворной) каменной стеной, по периметру окружавшей ладожский мыс. Древнейшие находки узколопастных сошников в лесной зоне Древней Руси сделаны в Гнёздове, где их датировка определяется в рамках конца X — первой четверти XI в. (*Мурашева, Нефёдов*, 2002. С. 188). Датировку ладожского сошника следует определить в рамках второй половины X — XI в. (причем XI в. выглядит предпочтительнее)¹⁴. Данный наконечник являет уже классический образец наконечника русской сохи, использовавшейся в разных модификациях вплоть до этнографической современности.

¹² Помимо наральника, из шурфов в Никольском монастыре происходят такие ранние находки, как трапецевидная подвеска с многогранной каймой из пресованных точек по нижнему краю и каменная литейная формочка, указывающая на существование здесь поселения VIII–X вв. (*Иоаннесин*, 1978. Ил. 128, 129).

¹³ Предматериковый слой гумуса в кв. А3 (*Стеценко*, 1983. Л. 15).

¹⁴ Наибольшую важность для датировки слоя под безрастворной стеной имеют раскопы Н. К. Стеценко № 1 и 2 у северо-восточного прясла стены. Уже в раскопе 1 (1982) Н. К. Стеценко зафиксировала, что стена поставлена на культурном слое с посудой, изготовленной без использования круга, причем кладка частично просела в материковую яму с лепной керамикой (*Стеценко*, 1982. Ил. 4, 5). При этом в культурном слое, использовавшемся для заботувы пространства между лицевыми стенками древнейшей стены, найдена как лепная, так и гончарная керамика (*Стеценко*, 1982. Л. 6).

В раскопе 2 (1982–1983) с восточной (внешней) стороны у «каменно-земляной» стены обнаружен уходящий под нее деревянный настил из плах, как выяснилось, принадлежавший срубной постройке, стоявшей на этом месте до сооружения стены (*Стеценко*, 1983а. Л. 13, 14). В 1982 г. при разборке настила найдена лепная и гончарная керамика (*Стеценко*, 1982. Л. 9).

В 1983 г. выяснилось, что постройка, которой принадлежал настил, стояла на «предматериковом» культурном слое мощностью до 0,17 м, насыщенном углем. Из предматерикового культурного слоя наряду с фрагментами разновременной лепной посуды происходит выразительный комплекс раннесредневековых находок: развал раннегончарного сосуда (*Стеценко*, 1983б. Ил. 60: 1), ланцетовидная стрела (*Стеценко*, 1983а. Ил. 66: 2), полусферическое костяное прислице (*Стеценко*, 1983б. Ил. 61: 5) и сошник с обломанной и наваренной заново поверх обломка рабочей частью (*Стеценко*, 1983а. Л. 15). Особенно важно то,

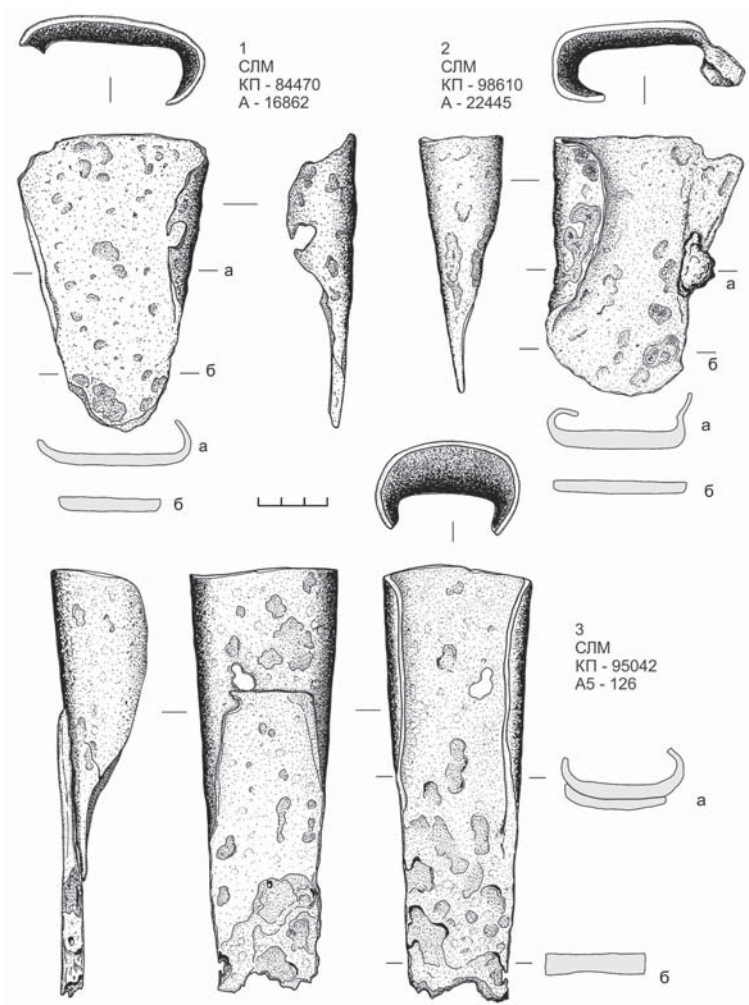

Рис. 10. Наконечники пахотных орудий из района Старой Ладоги:

1 — наральник из шурфа О. М. Иоаннесяна № 8 (1978 г.) на территории Никольского монастыря; 2 — наральник из шурфа С. Л. Кузьмина № 2 (2006 г.) на селище Любша; 3 — сошник со следами ремонта из раскопа Н. К. Стеценко № 2 (1983 г.) в северной части Ладожского мыса. Рисунки И. И. Еремеева

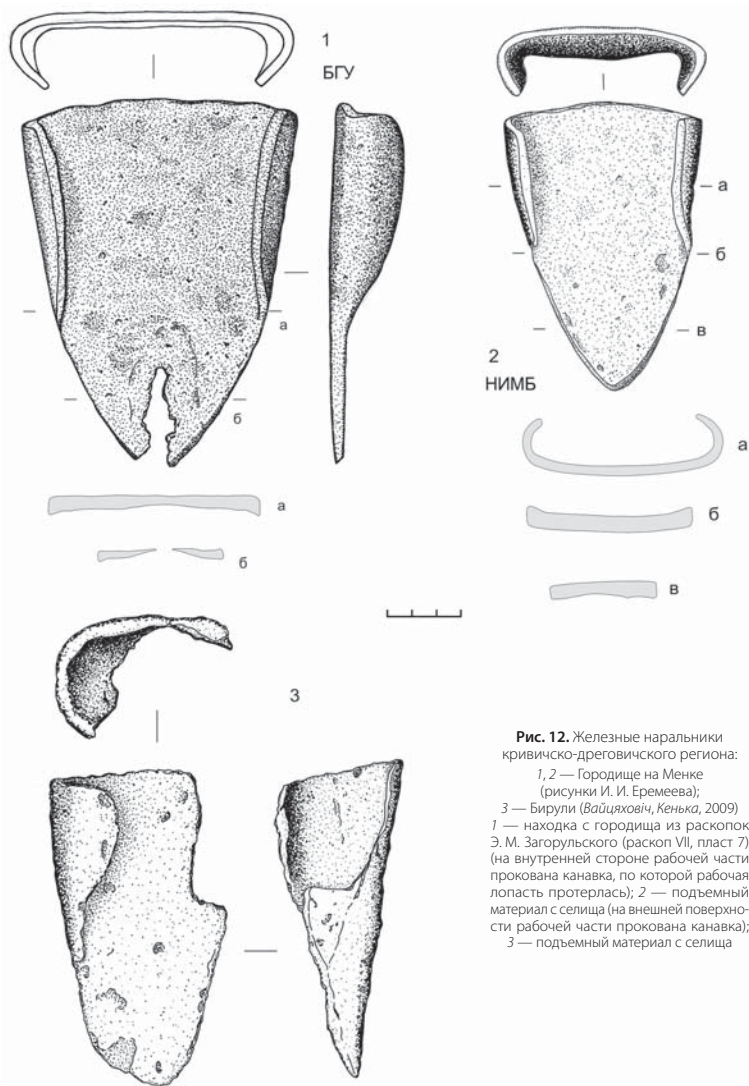

Рис. 12. Железные наральники кривичско-дреговичского региона:

1, 2 — Городище на Менке (рисунки И. И. Еремеева);

3 — Бирули (Вайцяховіч, Кенька, 2009)

1 — находка с городища из раскопок Э. М. Загорюльского (раскол VII, пласт 7) (на внутренней стороне рабочей части прокована канавка, по которой рабочая лопасть протерлась); 2 — подъемный материал с селища (на внешней поверхности рабочей части прокована канавка); 3 — подъемный материал с селища

Обсуждение проблемы. Наш обзор показывает, что набор древнейших ладожских пахотных орудий хотя и содержит классические славянские элементы (наральник «СЛМ, КП-84470, Инв. № А-16862» и сошник «СЛМ, КП-95042, Инв. № А5-126»), весьма близок набору сельскохозяйственного инвентаря Средней Швеции VI–X вв. и колонизированных свеонами регионов на Аландах и в Юго-Западной Финляндии. Параллели там находят 4 из 5 рассмотренных орудий. Таким образом, гипотеза о том, что в земледельческом освоении Нижнего Поволжья приняли участие выходцы из Шведской Скандинавии представляется вполне закономерной.

Следует, однако, помнить, что фиксируемое нами в Ладоге сочетание земледельческих орудий может оказаться случайным. Традиция использования железных наконечников на пахотных орудиях появляется в Швеции в V–VI вв. В Восточной Европе в славянском ареале железные наральники фиксируются несколько раньше. Населению киевской культуры известны были тяжелые рала с железными наконечниками (Терпиловский, 2004. С. 75). Фрагменты железных наральников встречены на поселениях киевской культуры дважды — в заполнении постройке 5 селища Ульяновка 1, датированного Р. В. Терпиловским IV — первой половиной V в. (Терпиловский, 1984. С. 61, 89, табл. 13: 1), и в культурном слое селища Каменное 2 (Обломский, 1991. Рис. 32: 17).

Теоретически нельзя исключать вероятности того, что формирование комплекса земледельческих орудий в Нижнем Поволжье и в Швеции происходило параллельно и независимо одно от другого. Правда, как мне представляется, против этого имеется серьезный аргумент. Он вытекает из сравнения набора железных наральников из Нижнего Поволжья с набором из Верхнего Поволжья — другого региона, где влияние скандинавов было очень велико, но, несомненно, преобладал славянский этнический элемент.

Из окрестностей Новгорода известны 3 наральника, относящихся к IX в. Один из них найден В. Я. Конечником в ровике сопки в Деревяницах (Конечный, 2000. С. 255, рис. 1: 5). Это подтреугольный наконечник с достаточно мощной втулкой и острым завершением. Рабочая часть имеет загиб в сторону втулки (рис. 11: 3).

Еще два наральника происходят изклада хозяйственного инвентаря на Холопьем Городке (Носов, 1990. С. 180, 181). Первый из них идентичен деревянничкому; он имеет подтреугольную форму и острое завершение (рис. 11: 1). Второй наральник сильно деформирован ударами сбоку (рис. 11: 2), что скрадывает его изначальную подтреугольную форму. Он относится к тому же типу, что и первый наральник, хоть и имеет притупленную кромку рабочей части, как у наральников с левого берега Ладожки, с Любши, из Бирки и Поллисты.

Наральники из истока Волхова демонстрируют (по крайней мере пока) более единообразную картину, чем наконечники из его низовья. Похоже, комплексы почвообрабатывающих орудий Ладоги и Приильменя формировались на несколько разных основах. Комплекс из истока Волхова вполне обычен для Восточной Европы и восходит скорее всего к среднеевропейским прототипам. Следует обратить внимание на близость прильменских орудий наральникам из кривичско-дреговичского региона (рис. 12).

В заключение перечня упомяну еще одну находку, сделанную В. Я. Конечником в ровике погребального сооружения на Забитнинском селище, входящем в состав Любытинского археологического микро-региона (Конечный, 2016; Конечный, Патина, 2017). Наконечник найден в слое с лепной керамикой и датируется, видимо, X в. Наральник значительно массивнее изделий из Деревяниц и с Холопьяго Городка, имеет подтреугольную лопасть с закругленным концом и слабо выраженными плечиками, что позволяет автору находить ее к «южнорусскому» типу. Втулка его сильно уплощена, на основании чего В. Я. Конечный относит его к ралу, рабочий наконечник которого должен был располагаться под минимальным углом (почти параллельно) поверхности земли (Конечный, 2016. С. 89). Этот вопрос нельзя считать закрытым, поскольку тогда неясно назначение «плечиков», которые должны,

что этот слой дал выразительную серию фрагментов гончарной керамики с волнистым орнаментом и манжетовидным венчиком (Стеценко, 1983а. Л. 14; Ил. 59). Датировка подобной керамики обычно определяется в рамках XI–XII вв. и ни при каких условиях не может быть опущена ниже второй половины — конца X в. То же самое можно сказать и про узколопастной сошник.

Вместе с керамическим материалом, сошник является веским аргументом в пользу того, что безрастровая стена, окружавшая по периметру ладожский мыс, не может быть датирована временем раннего конца X в. Очевидно, датировка стены (конец IX — начало X в.), данная А. Н. Кирпичниковым (Кирпичников, 1980; 1982; 1984), будет со временем пересмотрена в сторону существенного омоложения.

Пока вывод может быть таков: стена поставлена на маломощном культурном слое, накопившемся с эпохи раннего металла до X в., и существенно перемешанном в результате интенсификации жизнедеятельности на данном участке во второй половине X — XI в.

по идее, раздвигать и отваливать грунт в стороны. Как бы там ни было, забитинский наральник отличается от ладожских и верхневолховских и стоит в стороне от темы нашего исследования.

Выводы и перспективы исследования. Нижнее Поволжье, как известно, было подвержено длительному (с середины VIII в., а возможно, и ранее) и интенсивному скандинавскому культурному и экономическому воздействию. Значение торговли для региона было очень велико. Но в первую очередь его следует рассматривать как *компактный сельскохозяйственный микрорегион*. Об этом свидетельствует структура расселения, представляющая скопление неукрепленных поселений под защитой двух-трех городищ (рис. 13).

Раннесредневековое сельскохозяйственное освоение Восточно-Балтийского региона во второй половине I тыс. н. э. можно разделить на три этапа, обусловленные динамикой увлаженности и, видимо, ростом численности населения. Обозначить их можно так.

- **Пойменный этап** начался в раннем железном веке и захватил треть четверть I тыс. н. э. Для него характерно тяготение земледельческого населения к аллювиальным почвам пойм и низких надпойменных террас, не требовавшим для обработки орудий с металлическими наконечниками.

- **Береговой этап** (преимущественно относящийся к последней четверти I тыс. н. э.). Распашка подвергаются высокие речные террасы и коренные берега с более тяжелыми, часто завалунными почвами. Именно теперь становится актуальное использование железных наральников.

- **Водораздельный этап** (начавшийся в конце I тыс. н. э.). В этот период разворачивается земледельческое освоение моренных водоразделов с плодородными, но наиболее тяжелыми почвами. Обработка их без металлических орудий была крайне затруднена, и теперь последние получают повсеместное распространение. Изобретение сохи на рубеже X и XI вв. связано именно с распахоткой водоразделов.

Разумеется, на каждой стадии сохранялись элементы предыдущего этапа и начатки последующего. Это в меньшей степени касается пойменного земледелия, возможности которого к концу I тыс. н. э. значительно сузились из-за подъема уровня воды в реках.

Мне не представляется достаточно обоснованной гипотеза о том, что раннесредневековое славянское освоение ладожского микрорегиона связано с пойменным земледелием, высказанная В. А. Лапшиным (Лапшин, 2015. С. 30–31). Конечно, в Нижнем Поволжье поймы в I тыс. н. э. вводились в земледельческий оборот в первоочередном порядке (Александровский, 2012). Выбор устья Ладожки для центрального поселения, несомненно, был предопределен наличием здесь на обоих берегах Волхова пойм. Но их площади в целом в Нижнем Поволжье столь незначительны, что очевидно не способны были прокормить средневековое население, скопившееся от Новых Дубовиков до береговых валов ладожской трансгрессии.

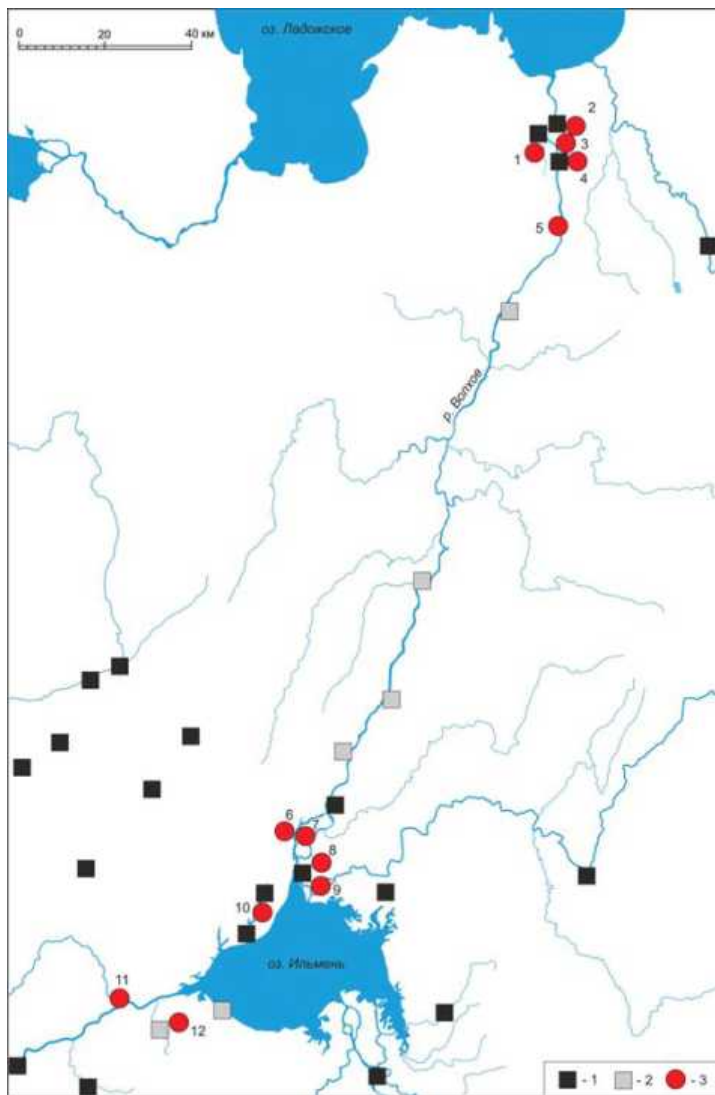
Земледельческая ценность Нижнего Поволжья не в пойменных аллювиальных почвах (в отличие, например, от Верхнего Поволжья и Центрального Приильменья), а в карбонатных почвах коренных берегов Волхова. И вот их-то распашку в VIII–IX вв. археологам и удалось зафиксировать сразу в нескольких точках, маркирующих южный и северный края Нижневолховского региона.

Наблюдение первостепенной важности сделано Е. А. Рябиным на городище Любша, расположенном на коренном берегу Волхова. Под культурным слоем городища, который относится, похоже, к финалу третьей четверти I тыс. н. э., зафиксирован горизонт распашки однозубым ралом. Удалось в плане проследить борозды (рис. 14) шириной до 7 см и глубиной до 2,5 см, пересекающиеся под прямым углом, на площади около 12 м² (Рябин, 2001. Л. 7, ил. 16). Учитывая специфику механического состава почвы на плато коренного берега в районе устья Любши, а именно — близкое залегание материковой известняковой плиты и большое количество известнякового щебня и ледниковых валунов в тонком слое перекрывающего ее мореного суглинка, — можно сделать вывод, что распашка производилась ралом с железным наконечником.

В 1997 г. пашня на коренном берегу Волхова была зафиксирована С. Л. Кузьминым под одной из сопок (17-III) близ городища Новые Дубовики. Пахотное поле, находившееся в тех же ландшафтных условиях, что и любшанское (на перекрытой маломощной мореной известняковой плите), может быть датировано, как и сопки, не позднее первой трети X в. (Кузьмин, 1998. С. 261, 262). Никаких пойм, допускаящих бы более архаичное земледелие, в районе Волховских порогов нет.

Итак, земледельческое освоение Нижнего Поволжья связано преимущественно с *береговым земледельческим этапом*, для которого характерна концентрация населения и использование пахотных орудий с железными наконечниками на тяжелых завалунных почвах коренных берегов.

Кто мог возделывать уголья на месте будущего Любшанского городища ралом с железным наконечником? Пока мы не можем сказать, обладало ли такими наконечниками славянское население, освоившее в третьей четверти I тыс. н. э. исток Волхова. Теоретически это не исключено, но находки

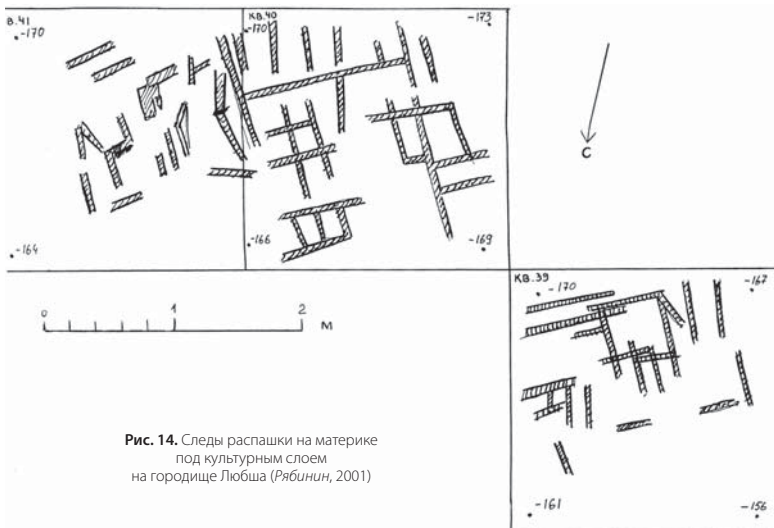

Рис. 14. Следы распашки на материке под культурным слоем на городище Любша (Рябинин, 2001)

наральников, уверенно связывающихся с древностями этого времени в Приильменье и в ареале псковских длинных курганов, тушемлинской и банцеровской культур, неизвестны. А именно ареал тушемлинско-банцеровских древностей представляется сейчас наиболее вероятной исходной территорией для заселения Центрального Приильменья (Еремеев, Дзюба, 2010).

Зато, несомненно, железные наральники использовались в третьей четверти I тыс. н. э. на Готланде и в Средней Швеции. Все это вплотную подводит нас к предположению о том, что в земледельческой колонизации Нижнего Поволжья уже в поздневендельское время могли принять участие скандинавы.

Об этом же говорит и сходство комплекса металлических деталей земледельческих орудий Нижне-волховского региона, Средней Швеции и Юго-Западной Финляндии, с одной стороны, и отличие их от комплекса орудий того же назначения из Верхнего Поволжья, Приильменья и кривичского-дреговичского региона — с другой.

С учетом вышесказанного представляется возможным существование и других анклавов земледельческого населения, переселившегося на территорию Руси в VIII–X вв. из Средней Швеции и сопредельных областей Скандинавии.

Рис. 13. Земледельческое освоение Ильмень-Волховского региона в I тыс. н. э.

1. Городища раннего железного века — раннего средневековья.
2. Городища по неподтвержденным данным.
3. Места археологической фиксации пашен, датирующихся временем не позднее X в.

Номера обозначены исследованные участки пашен: 1 — Ладога, Земляное городище; 2 — Любша, городище; 3 — Любша, селище; 4 — Новые Дубовики; 5 — Выдин Остров; 6 — Новгород, Софийская сторона; 7 — Новгород, Торговая сторона; 8 — Рюриково Городище, холм; 9 — Рюриково Городище, пойма; 10 — Георгии; 11 — Мшага Воскресенская; 12 — Коломо